

МОЙ АРЕСТЪ И ОСВОБОЖДЕНІЕ ВЪ 1839 году.

(Изъ воспоминаній генералъ-лейтенанта В. Д. Кренке).

I.

ВЪ ЧИНѢ подпоручика гренадерскаго сапернаго баталіона, 22 лѣтъ отъ роду, въ 1838 году, я былъ командированъ въ Образцовый пѣхотный полкъ, на годъ, или вѣрнѣе на 15 мѣсяцевъ. Гренадерскій саперный баталіонъ стоялъ тогда въ Курляндской губерніи, въ мѣстечкѣ Иллукштѣ, въ 17 верстахъ отъ Динабурга, а Образцовый пѣхотный полкъ въ Царскомъ Селѣ.

6 сентября я выѣхалъ изъ Динабурга съ командою нижнихъ чиновъ, состоящей изъ трехъ человекъ, и 18 сентября 1839 года явился въ Образцовый полкъ. Всѣмъ было извѣстно, что тогдашняя служба въ Образцовомъ полку была невыносимо тяжела и въ нравственномъ отношеніи и по физическому труду, хотя находились офицеры, желавшіе ѣхать въ Образцовый полкъ, для того, чтобы пробывать годъ вблизи Петербурга; но начальство выбирало лишь тѣхъ, которые службу ставили выше всего и жребій палъ на меня. Я прослужилъ въ офицерскомъ званіи всего 4¹/₂ года, но былъ любимъ товарищами; они сожалѣли о разлукѣ со мной слишкомъ на годъ и почтили меня прощальнымъ вечеромъ, устроеннымъ 5 сентября. Это на меня сильно подѣйствовало: въ 4¹/₂ года много уѣзжало изъ баталіона офицеровъ, далеко старшихъ меня, и уѣзжало совсѣмъ изъ баталіона, но ни для кого еще при мнѣ не было устроено такихъ проводовъ, какими почтили меня, временно уѣзжавшаго изъ баталіона.

Въ Царскомъ Селѣ я нанялъ квартиру въ длинномъ, деревянномъ, одноэтажномъ домѣ по Дворцовой улицѣ, не далеко отъ Прудковъ, принадлежавшемъ какому то мелкому чиновнику, фамилію котораго я забылъ. Квартира была нанята мною вмѣстѣ съ прибывшимъ одновременно со мною въ Образцовый полкъ поручикомъ 2-го сапернаго баталіона

Есимантовскимъ. Товарищъ мой былъ покладливъ, мы жили дружно, хотя взгляды наши на жизнь и службу были различны.

Имѣя постоянно въ виду цѣль командированія въ Образцовый полкъ, я всею душою предался службѣ, всякій день два раза ходилъ въ казармы на ученіе, не только никогда не опаздывалъ, но являлся однимъ изъ первыхъ и скоро заслужилъ въ полку извѣстность, какъ ретивый, усердный офицеръ. Меня видимо отличали передъ другими офицерами и командиръ полка, генералъ-маіоръ Александръ Васильевичъ Жерковъ, и баталіонный командиръ, всегда суровый и грубый, полковникъ Фроловъ, и ротный командиръ капитанъ Паскинъ.

Служба была не легка; но не столько физическій трудъ былъ тягостенъ, какъ нравственное униженіе, нравственное направленіе въ тогдашнемъ Образцовомъ полку. Все основано было на искательствѣ, на низкопоклонствѣ передъ кадровымъ или старшими офицерами въ полку, которые числились по гвардіи, составляли силу и имѣли рѣшительное вліяніе на участь офицеровъ перемѣняющагося состава. А эти представители тогдашняго военного искусства, въ большинствѣ были жалкою посредственностью, заботились только о наилучшемъ вытягиваніи носка и о снарядахъ, чтобы ловко дѣлать ружейные приемы. Они любили рассказывать анекдоты изъ жизни Образцоваго полка, какъ на примѣръ солдатъ спотыкнулся на учебномъ шагѣ и вывихнулъ себѣ ногу, какъ другой солдатъ сломалъ курокъ при взбрасываніи ружья на плечо, какъ у третьяго лопнулъ ремень на смотру, отъ несоблюденія того-то, и проч. Не много лицъ изъ тогдашняго состава кадровыхъ составляли отрадное исключеніе: командиръ полка генералъ Жерковъ, командиръ 1-го баталіона полковникъ Штегельманъ, командиръ роты капитанъ Веселитскій, впоследствии генералъ-лейтенантъ, безъ руки, и молодой офицеръ, предназначавшійся въ кадры, Адольфъ Васильевичъ Вольскій, впоследствии директоръ Кіевскаго кадетскаго корпуса.

Кромѣ представленія непосредственнымъ своимъ начальникамъ, полковому, баталіонному и ротному командирамъ, я не знакомился ни съ кѣмъ изъ остальныхъ кадровыхъ офицеровъ, или, говоря по тогдашнему, никому изъ нихъ не представлялся, какъ это дѣлали всѣ другіе офицеры, временно прибывавшіе въ полкъ; но не смотря на то, мнѣ скоро удалось заслужить репутацію дѣльнаго и исправнаго офицера.

Осенью и зимою въ Царскомъ Селѣ было не выносимо скучно. Близость Петербурга и удобство сообщенія дѣлали особенно не сноснымъ то затрудненіе, съ которымъ были сопряжены поѣздки въ Петербургъ. Для каждой поѣздки не только нужно было испросить дозволеніе начальства, но еще получить билетъ. Если ѣдешь въ Петербургъ на одинъ день, то чрезъ ротнаго командира надобно было просить разрѣшенія баталіоннаго командира и отъ него получить билетъ. Для поѣздки на два дня надобно было по командѣ испросить

разрѣшеніе полковаго командира и получить билетъ изъ полковой канцеляріи чрезъ полковаго адъютанта. Но баталіонный командиръ всякій разъ, въ грубой формѣ, давалъ неумѣстныя правоученія, а надутый полковый адъютантъ, Быковъ, былъ болѣе чѣмъ необходимъ и смотрѣть то на него было непріятно. По возвращеніи въ Царское Село, надобно было явиться къ тому, кто разрѣшилъ отпускъ. Если же просишься въ Петербургъ на 3 и болѣе дней, то, кромѣ полученія билета отъ полковаго командира, надобно было въ самомъ Петербургѣ записаться въ штабъ гвардейскаго корпуса и представиться самому великому князю.

Частыя поѣздки изъ Царскаго Села на короткій срокъ были обременительны для кармана; частыя спрашиванія разрѣшеній на поѣздку были несносны; были при этомъ и косвенные расходы, въ видѣ временныхъ платежей писарямъ по синенькой бумажкѣ, т. е. по пяти рублей ассигнаціями, иначе можно было рисковать, что билетъ, подписанный сегодня, получишь завтра и день отпуска пропадетъ; поѣздки безъ разрѣшенія были рискованы, а потому выгоднѣе было ѣздить на болѣе продолжительный срокъ, хотя и приходилось представляться великому князю. Такъ я и дѣлалъ и ѣздилъ не чаще одного раза въ мѣсяцъ, но въ третью поѣздку великій князь изволилъ мнѣ сказать:

— Слишкомъ часто ѣздишь, лучше бы сидѣлъ дома, да учился фронту.

Эти слова великаго князя, при его памяти, такъ меня озадачили, что я почти пересталъ ѣздить въ Петербургъ.

При первомъ представленіи моемъ великому князю, по приѣздѣ въ Образцовый полкъ, временно командовавшій тогда полкомъ полковникъ Штегельманъ, перевралъ мою фамилію. Но великій князь узналъ меня, самъ вспомнилъ фамилію и былъ восхищенъ тѣмъ, что я очень выросъ. Его высочество тогда съ особымъ удовольствіемъ говорилъ окружающимъ:

— Вотъ какъ мои то (воспитанники) растутъ; я его пустилъ на службу такимъ (показывая рукою), а онъ является такимъ (опять показывая рукою).

Въ Царскомъ Селѣ, между служебными занятіями, какъ и въ Илукштѣ, я много читалъ и о каждой прочтенной книгѣ записывалъ свое мнѣніе, также дѣлалъ много выписокъ, иногда выписывалъ десятки страницъ, когда находилъ что нибудь особенно интересное. Получалъ я кромѣ того много частныхъ писемъ отъ своихъ товарищей изъ баталіона и знакомыхъ изъ окрестности по стоянкѣ баталіона и на каждое письмо отвѣчалъ длиннымъ письмомъ. Въ числѣ писемъ отъ знакомыхъ получилъ два письма и отъ Туснельды. Прекрасная Туснельда, дѣвица баронеса фонъ-деръ-Бринкенъ, была первымъ предметомъ моей любви, она писала, что всей ея семьѣ, а ей особенно, замѣтно мое отсутствіе, что всѣ они, а она въ особенности, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ моего возвращенія.

Прошла зима, еще скорѣе прошли весна и лѣто съ лагеремъ и маневрами подъ Краснымъ Селомъ, и мы, т. е. я и Есимантовскій радовались наступленію сентября, когда начались приготовленія къ обратной отправкѣ насъ въ свои саперные баталіоны.

Въ это время, около 19 или 20 сентября 1839 года, въ Образцовомъ полку пронеслась молва, что великій князь и самъ государь недовольны полкомъ, что въ полку затѣялся какой то заговоръ между офицерами и что будетъ слѣдствіе.

Нисколько не боясь лично за себя, я былъ встревоженъ этимъ извѣстіемъ, какъ общео непріятностью, могущею повредить всему полку.

21 сентября, я поѣхалъ въ Петербургъ, съ разрѣшенія баталіоннаго командира, на одинъ день, до вечера 22 числа. Въ Петербургѣ я останавливался у брата, служившаго тогда письмоводителемъ при Главномъ Инженерномъ училищѣ и имѣвшаго казенную квартиру въ Инженерномъ замкѣ.

Утромъ 22 сентября, пошелъ я въ саперныя казармы къ полковнику л.-гв. сапернаго баталіона Юсту, преже служившему въ гренадерскомъ саперномъ баталіонѣ. Въ скоромъ времени по приходѣ моего туда, неожиданно пріѣхалъ за мной на извозикѣ посланный отъ брата, который на словахъ передалъ, чтобы я скорѣе возвращался домой, что къ брату пріѣзжалъ полковой командиръ, генералъ Жерковъ, которому очень нужно меня видѣть. Я тотчасъ же возвратился къ брату.

Братъ мнѣ передалъ, что у него былъ Жерковъ и сказалъ, что я прозѣвалъ великаго князя на улицѣ, что великій князь этимъ очень недоволенъ и приказалъ мнѣ ту же минуту возвратиться въ Царское Село, почему Жерковъ проситъ, чтобы я ѣхалъ въ Царское село по часовой машинѣ.

Хотя я былъ и очень внимателенъ на улицахъ, но прозѣвать великаго князя было дѣломъ возможнымъ. Признаюсь, я не много струсилъ и поспѣшилъ отправиться на извозикѣ въ Царскосельскій вокзалъ. Помню, что на Загородномъ проспектѣ, въ извозничьихъ дрожкахъ сломилось подо мной колесо и я перемѣнилъ извозчика. Въ вокзалѣ я взялъ билетъ и вошелъ въ общее зало.

Жерковъ былъ тамъ; завидя меня, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Вы уже взяли билетъ, отдайте его назадъ, вы кстати въ мундирѣ, время еще есть, поѣдемъ къ великому князю.

Я конечно повиновался, но меня озадачилъ экипажъ Жеркова; онъ всегда ѣздилъ въ коляскѣ, а тутъ подана извозничья карета и Жерковъ не сказалъ кучеру куда именно ѣхать, а просто: „пошелъ туда, откуда я сюда пріѣхалъ“. Сѣвъ въ карету, Жерковъ задернулъ занавѣски у оконъ.

Дорогою, послѣ нѣкотораго молчанія, Жерковъ спросилъ меня пишу ли я стихи? Я отвѣтилъ: нѣтъ! Полагаю, что я сказалъ правду,

потому что хотя по тогдашнему романическому настроенію молодежи и я писалъ стихи, или мараль бумагу стихами, воспѣвалъ слезы любви, разлуку съ милой, о бѣдности и трудѣ, какъ о друзьяхъ, а не врагахъ любви и проч., но никогда не издавалъ своихъ стиховъ и даже читая ихъ товарищамъ, не говорилъ, что это собственное мое произведеніе. Далѣе Жерковъ спросилъ: знаю ли я какія нибудь стихи противъ правительства? Я отвѣчалъ, что знаю наизусть много такихъ стиховъ, которыхъ нѣтъ въ печати. Жерковъ продолжалъ вопросы: „не распускали ли вы въ полку какихъ-нибудь стиховъ противъ правительства?“ Тогда дѣло мнѣ стало ясно; я отвѣчалъ, что въ полку не распускалъ, но читалъ и переписалъ своею рукою одни стихи для поручика Газенкампа. Жерковъ, передъ взѣздомъ въ какіе-то ворота, успѣлъ только сказать мнѣ:

— Жаль мнѣ васъ, вы хорошо служили, не знаю чѣмъ все кончится.

Карета остановилась; мы вошли въ незнакомый мнѣ домъ и вскорѣ очутились въ большомъ залѣ, гдѣ насъ встрѣтилъ также незнакомый мнѣ полковникъ. Жерковъ что то ему шепнулъ, полковникъ холодно сказалъ мнѣ: „пожалуйте вашу шпагу и посидите здѣсь“. Жерковъ ушелъ, а минутъ черезъ пять вошелъ плацъ-адъютантъ, котораго я узналъ по мундиру, и тогда догадался, что полковникъ должно быть плацъ-маіоръ, флигель-адъютантъ баронъ Зальца. Полковникъ сказалъ плацъ-адъютанту, чтобы тотъ отвелъ меня въ № 3. Я отправился за плацъ-адъютантомъ по длинному ряду коридоровъ, черезъ нѣсколько дворишковъ, и по весьма темной лѣстницѣ поднялся въ указанный мнѣ казематъ. По сдѣланному распоряженію за мною слѣдовали ефрейторъ съ часовымъ.

Меня ввели въ казематъ, плацъ-адъютантъ тотчасъ удалился, дверь захлопнули, заперли большимъ висачимъ замкомъ, а за дверями поставили часоваго; въ дверяхъ же было окошечко съ желѣзною рѣшеткою.

Я остался одинъ по среди каземата, въ мундирѣ, безъ шпаги, безъ шинели и со шляпою въ рукѣ.

Трудно описать то состояніе духа, въ которомъ я находился въ ту минуту.

Стало смеркаться; я присматривался къ своему каземату.

Казематъ былъ длиною 6 шаговъ, шириною 4 шага, имѣлъ плоскій не сводчатый потолокъ такой высоты, что я короткими своими волосами, какъ щеткою, вытиралъ пыль съ потолка, а если, забывшись, поспѣшно брался рукою за голову, то ушибалъ руку о потолокъ. Одно окошечко давало свѣтъ; оно было такъ мало и такъ высоко отъ пола, а стѣны такъ толсты, что изъ окна нельзя было хорошо видѣть неба, и даже разсмотрѣть пасмурная ли или ясная погода. Три стѣны были каменные или штукатуренные, а четвертая, ведущая въ коридоръ, деревянная, и состояла изъ 16 толстыхъ досокъ. Странно:

я совершенно машинально сосчиталъ число досокъ въ стѣнѣ и самъ себя сказалъ: „вѣрно мнѣ придется пробыть здѣсь 16 дней“.

Казематъ былъ совершенно пустъ, не было ни стола, ни скамейки, ни даже камня подъ голову.

Стало темнѣть; скоро показался огонекъ въ коридорѣ за дверью и самый слабый свѣтъ началъ проникать въ казематъ черезъ дверное окошечко.

Я долго и медленно ходилъ изъ угла въ уголъ, усталъ, присѣлъ на полу, прислонясь къ углу каземата. Нѣсколько крысъ явились около меня; я ихъ не трогалъ, но всталъ и опять долго ходилъ изъ угла въ уголъ.

Наконецъ въ коридорѣ раздались шаги, двери каземата раскрылись съ большимъ шумомъ и солдаты внесли кровать изъ лазарета арестанскаго отдѣленія, съ арестанскою постелью, и маленькій деревянный не крашенный столъ.

Когда все утихло, я опять принялся шагать по каземату, скоро усталъ, прилегъ на кровать, какъ былъ въ мундирѣ, застегнутый.

Кто то изъ коридора въ дверное окно спросилъ, не хочу ли я чаю или ужинать? Я поблагодарилъ, сказавъ, что ничего не хочу.

Всю ночь я не спалъ, безпрестанно вставалъ и ходилъ по каземату; часовые зорко слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ и кто то ночью, на ципочкахъ, подходилъ къ дверямъ и черезъ окно смотрѣлъ, что я дѣлаю.

Многое было передумано мною; но какъ я не могъ считать себя измѣнникомъ государю, то главная моя мысль останавливалась на томъ, преступникъ ли я? и если преступникъ, то чѣмъ можетъ кончиться судьба моя! Я тогда думалъ, что лучше рассчитывать на худшее и допускалъ, что меня разжалуютъ въ рядовые и сошлютъ въ сибирскіе линейные баталіоны. И тутъ я задавалъ себя вопросъ, что буду тогда дѣлать? При тогдашнемъ настроеніи духа быстро рѣшалъ и этотъ вопросъ, припомнивъ разсказъ учителя своего по артиллеріи генераль-маіора Дядина, впослѣдствіи генерала отъ артиллеріи; когда онъ, во времена Аракчеева, былъ разжалованъ въ рядовые, то написалъ наставленіе для артиллерійскихъ офицеровъ и подписалъ „сочиненіе рядоваго Дядина“. Это меня занимало и я уже мечталъ о томъ, что, при отправленіи въ Сибирь, выпрошу себя такіа то руководства и займусь составленіемъ наставленія для саперныхъ офицеровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ опишу и сибирскій край.

Съ разсвѣтомъ 23 сентября мнѣ принесли чай и кофе на большомъ серебряномъ подносѣ съ богатою обстановкой, я отказался и сказалъ, что не только ничего не хочу, но и смотрѣть не могу на все это.

Скоро вошелъ плацъ-маіоръ снять съ меня первый вопросъ.

Но останавлиюсь на первомъ допросѣ и опишу сущность дѣла.

II.

Въ апрѣлѣ, или въ началѣ мая, 1839 года, великій князь былъ недоволенъ ученіемъ л.-гв. сапернаго баталіона и прислалъ оттуда большую команду нижнихъ чиновъ учиться въ Образцовый полкъ. При этой командѣ находились два офицера, прапорщики Шарыгинъ и фонъ-Фитингофъ-Шель. Шарыгинъ, впоследствии полковникъ, отставной генералъ и вологодскій губернский предводитель дворянства, а Фитингофъ скоро вышелъ въ отставку, сдѣлался помѣщикомъ одной изъ великороссійскихъ губерній и былъ убитъ умышленно или нечаянно. Оба они были моими товарищами и оба остановились въ Царскомъ Селѣ у меня на квартирѣ, и тогда на квартирѣ было насъ четверо.

Въ то же время отчисленъ былъ обратно къ Образцовому полку, состоявшій временно при лейбъ-гвардіи саперномъ баталіонѣ, собственно для исполненія караульной службы, Азовскаго пѣхотнаго полка поручикъ Газенкампфъ. Ему, какъ знакомому съ Шарыгинымъ и Фитингофомъ, хотѣлось втереться въ саперный кружокъ; онъ поселился въ одномъ съ нами домѣ, но на отдѣльной квартирѣ, и чрезъ Шарыгина и Фитингофа познакомился со мной и съ Есимаантовскимъ. Къ Газенкампфу пріѣхала мать съ хорошенькою его сестрою; мы познакомились, нѣсколько разъ видѣлись и помогали госпожѣ Газенкампфъ раздавать лотерейные билеты,—она нуждалась въ деньгахъ и разыгрывала какія то свои вещи.

Кажется наканунѣ отъѣзда изъ Царскаго Села Шарыгина и Фитингофа была очень дурная погода; мы всѣ четыре сапера, не смотря на лѣтнее время, вечеромъ сидѣли дома и къ намъ зашелъ Газенкампфъ. Разговоръ скоро обратился на литературу, на поэзію, и положено было, чтобы каждый декламировалъ стихи, такіе, которые менѣе извѣстны. Шарыгинъ и Фитингофъ сказали какіе то водевильные стишки, передѣланные для холостой кампаніи или для вакханальной пѣсни. Есимаантовскій сказалъ польскій стишекъ, составленный послѣ взятія Варшавы въ 1831 году, въ которомъ укоряютъ полекъ за то, что онѣ, на балахъ Паскевича, танцуютъ съ русскими офицерами, съ убійцами ихъ отцевъ, мужей, братьевъ и жениховъ. А я сказалъ то стихотвореніе Пушкина или приписываемое Пушкину, которое не было въ печати и за которое будто бы Пушкинъ былъ удаленъ изъ Петербурга.

Газенкампфу очень понравились польскіе стишки, сказанные Есимаантовскимъ и онъ просилъ написать ихъ для него, что Есимаантовскій тутъ же и исполнилъ. Когда же кончилась моя декламация, то Газенкампфъ пришелъ въ неописанный восторгъ и умолялъ меня продиктовать ему эти стихи; но, взявшись за перо, сдѣлавъ маленькую оговорку, что онъ тихо пишетъ и самъ не сдумаетъ проставить знаки

препинанія, а потому просить руководить его. Вызвался было Шарыгинъ, но чтобы скорѣе покончить дѣло, я, спроста, сказалъ:— „давайте, я самъ напишу“,—и переписавъ все стихотвореніе, отдалъ Газенкампу на свою бѣду.

Въ моихъ выпискахъ, которыя я привезъ съ собою изъ Иллушты и которыя дополнилъ въ Царскомъ Селѣ, хранилась конія этихъ стиховъ, которая была написана не моею рукою, а рукою ближайшаго товарища, и по воспитанію, и по службѣ, гренадерскаго сапернаго баталіона подпоручика Дроздовскаго; въ самомъ же концѣ этого стихотворенія, другой товарищъ мой, того же баталіона поручикъ Раутенфельдъ, уже отъ себя и своею рукою, прибавилъ одну строчку. Дроздовскій, толстякъ, болѣе спокойный, чѣмъ энергичный, недавно умеръ, въ чинѣ отставнаго генералъ-маіора. Энергичный и предприимчивый Раутенфельдъ рано вышелъ въ отставку и по наслѣдству отъ отца принялъ въ аренду казенное имѣніе Бушгофъ, въ Курляндіи.

Въ послѣдствіи обнаружилось, что Газенкампфъ, какъ польскіе стихи, такъ и отъ меня полученные, передалъ матери своей; что мать его служила въ тайной полиціи; что передъ тѣмъ она, тайнымъ доносомъ, погубила мужа своего и отца своихъ дѣтей, служившаго гдѣ-то городничимъ или полиціймейстеромъ; что дочерью своею она торговала, чтобы легче было втираться въ холостые дома и что она, въ донесеніи своемъ бывшему шефу жандармовъ графу Бенкендорфу, искажила дѣло, заявивъ, что я, съ помощію Есимантовскаго, сочиняю стихи противъ правительства и нарочно раздаю ихъ въ Образцовомъ полку, чтобы они разошлись по всей арміи. Бенкендорфъ доложилъ государю и по высочайшему повелѣнію мнѣ назначенъ арестъ и за тѣмъ слѣдствіе.

Передъ разсвѣтомъ 22 сентября, въ тотъ день, когда меня арестовали въ Петербургѣ, Жерковъ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ пріѣзжали на мою квартиру въ Царскомъ Селѣ, арестовали Есимантовскаго и Газенкампа, осмотрѣли всю квартиру и забрали всѣ мои бумаги и письма.

Но обратимся къ первому допросу.

III.

Почтенный баронъ Зальца заговорилъ со мной такъ мягко, съ такимъ участіемъ, что я и не подозрѣвалъ, что дѣлается форменный допросъ по порученію великаго князя. Я сказалъ Зальцу все, какъ было, какъ описано здѣсь. Зальца невольно воскликнулъ:

— Ну, слава Богу, дѣло выходитъ пустое, а мнѣ сказано Богъ знаетъ что.

Потомъ Зальца продолжалъ:

— Ну, теперь скажите откровенно, откуда вы узнали эти стихи?

Я отвѣчалъ, что не помню, и дѣйствительно не помнилъ, но прибавилъ, что зналъ ихъ давно, еще въ корпусѣ.

Въ урочные часы приносили завтракъ, обѣдъ, чай, опять при великолѣпной обстановкѣ, но я и во второй день не только ничего не могъ ѣсть, но даже не могъ ни на что смотрѣть и только просилъ параднаго лакея, чтобы скорѣе все уносили отъ меня.

На третій день, 24 сентября, во 2-мъ часу дня, вошелъ ко мнѣ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній, и передалъ мнѣ, что его прислалъ великій князь успокоить меня. Ростовцевъ объяснилъ, что дѣло мое уже извѣстно и я дѣйствительно могу быть покоенъ. Затѣмъ онъ сказалъ:

— Затѣмъ вы сказали, что стихи знали еще въ корпусѣ? но вы вѣрно это сказали въ первую минуту, подъ вліяніемъ неожиданности своего положенія; вы, поуспокоившись, обдумаете дѣло, можете дополнить, разъяснить первое показаніе; можно сказать, что вы узнали эти стихи не собственно въ корпусѣ, а на службѣ отъ корпуснаго товарища; но конечно слѣдуетъ падить и товарища.

Смекнувъ дѣло, я отвѣчалъ Ростовцеву, что его ласковый разговоръ освѣжилъ мнѣ память, что я сознательно припоминаю, что стихи получилъ не въ корпусѣ, но на службѣ отъ корпуснаго товарища Гласко, который съ годъ назадъ утонулъ въ Финскомъ заливѣ.

— Ну вотъ это такъ натурально, сказалъ Ростовцевъ, естественно,—и уходя повторилъ:—Такъ вы покажете, что стихи получили отъ Гласко. Хорошо, хорошо, будьте покойны, любезный Кренке, не сокрушайтесь; это маленькая тучка, которая пройдетъ и за нею солнце еще ярче будетъ сіять.

Часа черезъ два послѣ Ростовцева, вошелъ опять баронъ Зальца и объявилъ:

— Ваши бумаги разсмотрѣны; тамъ нашли эти стихи, но они написаны не вашею рукою. Скажите прямо кто писалъ? вѣдь понятно, что писалъ кто нибудь изъ вашихъ близкихъ товарищей, вѣроятно одинъ изъ тѣхъ, съ которыми вы въ перепискѣ; руку сличать; скажите лучше прямо.

Я и сказалъ правду, что писалъ Дроздовскій по моей диктовкѣ.

— А не припомнили ли вы, продолжалъ Зальца, отъ кого въ первый разъ узнали эти стихи?

Я отвѣчалъ, что хорошо припомнилъ, что узналъ ихъ не въ корпусѣ, а отъ корпуснаго товарища Гласко, служившаго прежде со мною въ одномъ баталіонѣ, а потомъ переведеннаго въ учебный саперный баталіонъ и утонувшаго въ Финскомъ заливѣ.

Впослѣдствіи я узналъ, что въ ту же минуту былъ посланъ фельдъегерь въ Илукшту за Дроздовскимъ, арестъ котораго страшно напугалъ тамъ всѣхъ.

И на третій день я ничего не могъ ѣсть. На четвертый день, 25 сентября, приходитъ опять Зальца. Не спавъ и ничего не ѣвши

три дня, должно быть я очень переѣнился въ лицѣ. Зальца безпокоился обо мнѣ, но все таки долженъ былъ исполнить свою обязанность.

— Еще одинъ вопросъ, сказалъ онъ:—кто написалъ послѣднюю строку въ томъ листѣ, который написанъ Дроздовскимъ? рука не его и не ваша.

Я прямо сказалъ, что поручикъ Раутенфельдъ и послѣ узналъ, что тотчасъ былъ посланъ въ Иллушту второй фельдъегерь за Раутенфельдомъ. Арестъ его уже такъ напугалъ всѣхъ въ Иллуштѣ, что каждый готовился подвергнуться той же участи и всѣ офицеры, начиная съ баталіоннаго командира полковника Ясона Ивановича Малофѣева, привели въ порядокъ свои дѣла, уничтоживъ все лишнее. Въ томъ числѣ и другой братъ мой, тоже подпоручикъ гренадерскаго сапернаго баталіона, сжегъ всѣ имѣвшіеся у него стихи, которыхъ была цѣлая кнпа; тогда, при строгости цензуры, рукописные стихи были въ большемъ ходу; сочиненія или „Думы“ Рылѣва были необходимою принадлежностью каждаго, сколько нибудь интересовавшагося русскою литературою.

Я еще не зналъ, что по моей уликѣ Дроздовскій и Раутенфельдъ были арестованы, но глубоко сознавалъ, что предательски поступилъ относительно ихъ и говорилъ о томъ Зальцу. Увѣреніе его, что по своеобразному почерку ихъ, они были бы обнаружены и безъ моего указанія, мало утѣшали меня; я метался въ казематѣ отъ угрызенія совѣсти и въ какомъ то изнеможеніи падалъ на кровать.

На четвертый же день, во 2-мъ часу дня, великій князь прислалъ ко мнѣ корпуснаго доктора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нагумовича, успокоить меня и если нужно оказать медицинскую помощь. Нагумовичъ прописалъ какую то микстуру и совѣтовалъ ѣсть варенный черносливъ; то и другое было скоро принесено. Нагумовичъ передалъ мнѣ, что великій князь былъ въ хорошемъ расположеніи духа и посылая его ко мнѣ, шутя сказалъ ему:

— А я тебя за то вознагражу концертомъ.

Когда Нагумовичъ спросилъ великаго князя, какимъ концертомъ, то его высочество, въ полголоса, сказалъ что-то такое, чего Нагумовичъ не разобралъ.

Столикъ съ черносливомъ стоялъ у кровати; въ сумерки я прилежъ, постоянно въ мундирѣ, протянулъ руку, чтобы взять черносливенку и въ руку попалась мышь; я нисколько не прибавляю, это истина; я поднялся, отодвинулъ столикъ и опять прилежъ.

Въ тотъ же день, около 8 часовъ вечера, вошелъ плацъ-адъютантъ и сообщилъ, что плацъ-маіоръ проситъ меня къ себѣ (я содержался въ секретномъ отдѣленіи ордонансъ-гауза) и если я не могу идти, то онъ ко мнѣ придетъ. Я отвѣчалъ, что могу идти и пошелъ за плацъ-адъютантомъ.

— Будьте покойны, сказалъ Зальца, встрѣчая меня, дѣло ваше

уже рѣшено великимъ княземъ, но государю еще не можетъ быть доложено; вамъ разрѣшено имѣть при себѣ человѣка, разрѣшено читать газеты и вотъ онѣ къ вашимъ услугамъ.

Зальца спросилъ, гдѣ мой человѣкъ; я отвѣчалъ, что его можно найти черезъ брата моего, живущаго въ инженерномъ замкѣ и туда было послано. Я пилъ чай у Зальца, причемъ онъ разсказалъ мнѣ свое горе, что у него, кажется изъ 7 дѣтей, остался одинъ, остальные умерли, въ теченіи мѣсяца, одинъ за другимъ, отъ скарлатины.

Впослѣдствіи я узналъ, что докладъ государю задержанъ былъ оттого, что ожидали Дроздовскаго и Раутенфельда, что очень сожалѣли о томъ, что послали за ними, но какъ уже было послано, то надобно было и ожидать ихъ.

На 6-й день, утромъ 26 сентября, пришелъ ко мнѣ мой старикъ деньщикъ Степанъ Гурьяновъ и, какъ теперь помню, старикъ обливался слезами отъ радости, что увидѣлъ меня. Когда онъ осмотрѣлся, то вновь заплакалъ оттого, что меня содержатъ въ такомъ казематѣ; особенно его смущала кровать моя. Дѣйствительно, кровать и постель представляли что-то ужасное. Грубый холщевой мѣшокъ, набитый соломой и замѣняющій матрасъ и грубая наволочка, также набитая соломой вмѣсто подушки не смущали меня, — у меня и дома тогда была такая же постель, — но постель, принесенная мнѣ изъ арестанскаго лазарета, была отвратительно неопрятна, отъ нее воняло невыносимо и она унижена была всѣми возможными насѣкомыми. Гурьяновъ былъ не только деньщикомъ, но какъ бы другомъ моимъ; я постоянно дѣлился съ нимъ чаемъ и сахаромъ, когда и то и другое бывало у меня, а онъ еще чаще дѣлился со мной обѣдомъ изъ солдатскаго котла. Деньщику разрѣшено было приходить ко мнѣ въ казематъ два раза въ день: утромъ съ разсвѣтомъ и вечеромъ въ 9-мъ часу. Только на 6-й день вечеромъ я умылся и на $1\frac{1}{2}$ часа снялъ мундиръ. Вообще я сталъ покойнѣе, возвратились сонъ и аппетитъ, мнѣ стали давать свѣчу и по вечерамъ я читалъ газеты. Завтракъ и обѣдъ приносили мнѣ роскошные и за все содержаніе мое въ казематѣ впослѣдствіи удержано было изъ моего жалованья 50 рублей.

На 11-й или 12-й день заключенія, меня потребовали въ слѣдственную комиссію. Это меня вновь напугало. Я полагалъ, что все уже кончено, а по видимому дѣло только начиналось. Ужъ не помню о чемъ меня вновь спрашивали и что читали мнѣ; помню только, что предсѣдатель комиссіи дежурный штабъ офицеръ гвардейскаго корпуса полковникъ Никифоровъ, потомъ генералъ лейтенантъ и генералъ кригсъ-коммисаръ, показывалъ мнѣ гдѣ подписываться и я, бывши подпоручикомъ, два раза написалъ по—по. Никифоровъ замѣтилъ, что довольно и одного раза по и сказалъ:

— Ну ужъ не подправляйте, пусть такъ останется.

Въ комиссіи этой, кромѣ Никифорова и Зальца, сидѣли два жандармскихъ штабъ офицера.

Впослѣдствіи я узналъ, что въ комиссію, вслѣдъ за мной, призывали по одиночкѣ Есимантовскаго, Газенкампа, Дроздовскаго, Раутенфельда, Шарыгина и Фитингофа; что Есимантовскій и Газенкампфъ содержались подъ арестомъ также въ ордонансъ-гаузѣ, а Дроздовскій, Раутенфельдъ, Фитингофъ и Шарыгинъ въ инженерномъ замкѣ, на верху, гдѣ помѣщались кондукторы инженернаго корпуса.

Позднѣе отъ барона Зальца я узналъ, что великій князь въ мнѣніи своемъ на заключеніе комиссіи написалъ, что никого изъ насъ не признаетъ виновнымъ, что доносъ былъ искаженъ и что его высочество всеподданнѣйше просить разрѣшенія прекратить дѣло безъ всякихъ послѣдствій. Что три начальника штабовъ его высочества, гвардейскаго, генералъ адъютантъ Веймарнъ старшій, инженернаго, генералъ адъютантъ Геруа и военно-учебныхъ заведеній Ростовцевъ, единогласно говорили великому князю, что если кто нибудь изъ насъ виноватъ, то нѣтъ ни одного человѣка въ Россіи совершенно праваго, что если взять внезапно бумаги, то у каждого найдутся какіе нибудь стихи, какія нибудь замѣтки, которыхъ нѣтъ въ печати, а Веймарнъ, болѣе приближенный къ великому князю, прямо сказалъ, что „и у вашего высочества вѣроятно найдется что нибудь непозволительное“ а великій князь на это отвѣтилъ:—„Да ты ужъ не подложилъ ли мнѣ чего нибудь“; что государь совершенно согласился съ мнѣніемъ великаго князя и высочайшая резолюція получена была великимъ княземъ вечеромъ 7 октября.

8-го октября, на 16-й день моего заключенія, только что ушелъ мой деньщикъ, на окно каземата, съ наружной стороны, сѣлъ голубь; и только что я успѣлъ сказать самъ себѣ: „16 дней, 16 досокъ и голубь—вѣстникъ освобожденія“,—вошелъ плацъ-адъютантъ и объявилъ:

— Мнѣ поручено предупредить васъ, что къ вамъ будетъ присланъ цирюльникъ брить и стричь васъ, а вечеромъ въ 7 часовъ вы поѣдете къ великому князю.

Если бы отдали меня подъ судъ, то не звали бы къ великому князю; вѣрно будетъ что нибудь другое, думалъ я и безпрестанно поглядывалъ на часы. Признаюсь, ни одинъ день въ жизни не казался мнѣ столь длиннымъ, какъ день 8 октября 1839 года. Канунъ Шипкинскаго боя, 8 августа 1877 года, когда Сулейманъ паша на глазахъ нашихъ дѣлалъ приготовленія чтобы сломить на другой день нашъ Шипкинскій отрядъ, ничтожный въ сравненіи съ его полчищами, и тотъ день показался мнѣ гораздо короче.

Наконецъ настала желанная минута. Я вошелъ въ пріемную великаго князя, и—о радость,—тамъ находились Дроздовскій и Раутенфельдъ. Они вскрикнули, я также, и нами овладѣлъ истерическій смѣхъ, отъ котораго мы не могли удержаться и я даже теперь не знаю какъ объяснить этотъ смѣхъ. Здѣсь же были также Есиман-

товскій и Газенкампфъ. Стали являться начальники штабовъ; передъ самымъ великимъ княземъ вошелъ Веймарнъ и отвелъ Газенкампфа нѣсколько въ сторону, сказалъ ему:

— Вамъ самимъ должно быть совѣстно стоять рядомъ съ этими господами.

Наконецъ, вышелъ великій князь, въ артиллерійскомъ сюртукѣ, безъ эполетъ и, ставъ передъ нами и опушта глаза, сказалъ:

— Я былъ увѣренъ, что ничего нѣтъ серьезнаго во всей этой исторіи, и, слава Богу, очень радъ, что убѣдился въ томъ. Но, господа, вы должны понять, что всегда надобно быть осторожнымъ, и можетъ быть эта исторія кончилась бы для васъ очень худо, если бы вы попались въ другія руки. Однако, разобравъ все дѣло, я нахожу болѣе всѣхъ виновнымъ васъ, г. Кренке.

Затѣмъ, обратясь къ тремъ начальникамъ штабовъ, его высочество прибавилъ:

— Прошу гг., чтобы эта исторія никогда и никому изъ нихъ не ставилась въ укоръ, а ихъ, прямо отсюда, отправить по своимъ командамъ.

Съ полнымъ вниманіемъ я ловилъ каждое слово великаго князя, смотрѣлъ въ опущенные его глаза, хорошо понималъ значеніе словъ и глубоко, глубоко сознавалъ величіе души великаго князя; но не могу до сихъ поръ понять, почему тогда мнѣ было такъ смѣшно, что я едва сдерживался и чтобы не расхохотаться щипалъ себя и крѣпко щипалъ.

Впослѣдствіи, когда передъ отъѣздомъ въ Илукшту, я былъ у барона Зальца, благодарилъ его за вниманіе, оказанное мнѣ во время моего заключенія, Зальцъ объяснилъ мнѣ, почему великій князь называлъ меня главнымъ виновникомъ. Изъ всѣхъ лицъ, попавшихся въ этой исторіи, великій князь во мнѣ принималъ наибольшее участіе ¹⁾ и когда я въ глазахъ его высочества былъ оправданъ, то для спасенія другихъ офицеровъ: Есимантовскаго, Дроздовскаго, Раутенфельда, Шарыгина и Фитингофа, великому князю о нихъ докладывали просто, какъ о товарищахъ моихъ, состоявшихъ подъ нѣкоторымъ нравственнымъ моимъ вліяніемъ. Далѣе Зальца говорилъ:

— Когда перебирали ваши выписки, ваши замѣтки, то всѣ, начиная съ великаго князя, удивлялись, что вы, съ небольшимъ въ четыре года, такъ много написали своею рукой; другой и въ 40 лѣтъ того не напишетъ.

При этомъ я сказалъ Зальцу, что 160 частныхъ писемъ, полученныхъ мною въ Образцовомъ полку, мнѣ возвратили, за исключеніемъ

¹⁾ При выпускѣ изъ корпуса со мной была тоже исторія, въ которой ужъ не я былъ виноватъ, а корпусное начальство. Великій князь тогда зналъ все подробно и нѣсколько разъ изъявлялъ мнѣ свое участіе. Эта исторія можетъ быть будетъ разсказана мной въ другой статьѣ.

двухъ, въ которыхъ подробно описывались дуэли между курляндскими помѣщиками; но выписокъ и замѣтокъ моихъ мнѣ не возвратили, а я очень хотѣлъ бы получить ихъ обратно.

— Ну, ужъ въ этомъ отношеніи не могу пособить вамъ, сказалъ Зальца,—даже не знаю, кого и просить о томъ.

Задержаніе этихъ выписокъ отняло у меня охоту продолжать занятія въ этомъ родѣ, или вѣрнѣе выписки мои ограничились инженерною и вообще военною частью и преимущественно по сельско-хозяйственной части.

Изъ дворца великаго князя, я и Есимантовскій поѣхали прямо въ Царское Село. Войдя въ свою квартиру, мы невольно воскликнули: „какъ хорошо здѣсь, это сушій рай“. Этому повѣрить тотъ, кто испыталъ передрагу, подобную нашей. Цѣлую ночь сидѣли мы въ мундирахъ, какъ бы желая торжественно провести ночь освобожденія, сами наставляли самоваръ, и покуда Есимантовскій ходилъ за двумя своими товарищами, не далеко отъ насъ жившими, артиллерійскими офицерами, состоявшими при образцовой пѣшей батарее, я варилъ кофе. По приходѣ артиллеристовъ у насъ завязалась самая оживленная бесѣда.

Деньщикъ мой, не зная, что я уже освобожденъ, по обыкновенію, въ 9-мъ часу вечера, пришелъ въ казематъ, но послѣдній оказался пустымъ и куда меня отправили никто ему не могъ сказать. Сторожа при ордонансѣ-гаузѣ, изъ участія къ моему старику, шопотомъ, передали ему, что отсюда въ Сибирь отправляютъ обыкновенно ночью, такъ что утромъ никто и не знаетъ куда дѣвался такой-то господинъ. Деньщикъ передалъ брату моему то, что слышалъ отъ сторожей, а братъ тотчасъ сообщилъ роднымъ и знакомымъ и меня уже всѣ считали сосланнымъ; только Дроздовскій и Раутенфельдъ, содержащіеся въ инженерномъ замкѣ, вывели всѣхъ изъ заблужденія, а деньщики наши утромъ 9 октября явились въ Царское Село.

Рано утромъ, 9 октября, мы пошли явиться полковому командиру. Генералъ Жерковъ былъ уже предупрежденъ о нашемъ освобожденіи и о томъ, чтобы насъ никто и никогда не укорялъ въ несчастной исторіи. Жерковъ ласково принялъ насъ и сказалъ, чтобы мы шли отъ него прямо въ манежъ, что тамъ собираются всѣ чины, подлежащія нынѣ возвращенію изъ Образцоваго полка въ свои части.

Мы пришли въ манежъ. Всѣ нижніе чины, подлежащіе отправкѣ въ свои части, въ составѣ огромнаго баталіона, были выстроены вдоль стѣнъ манежа, а офицеры, числомъ до 80-ти, стояли посрединѣ. Мы подходили къ офицерамъ, здоровались, но никто намъ не отвѣчалъ, видимо всѣ боялись насъ, боялись даже обнаружить, что когда-нибудь знали съ нами; господа кадровые первые показывали этому примѣръ. Я дернулъ Есимантовскаго за рукавъ и мы стали отдѣльно, по-одаль, къ той сторонѣ манежа, откуда долженъ былъ войти Жерковъ. Онъ пришелъ и подойдя къ намъ сказалъ:— „Что же вы стоите

отдѣльно"? Я напрямикъ отвѣтилъ, что мы подходили ко всѣмъ, но, начиная съ кадровыхъ, всѣ насъ боялся. Жерковъ подаль намъ руку и громко наговорилъ разныхъ любезностей. Надобно было видѣть, какъ усердно всѣ стали намъ кланяться и привѣтствовать съ освобожденіемъ, особенно кадровые.

Съ 9 октября до половины ноября, было очень много занятій по службѣ. Ежедневныя ученія начинались съ разсвѣтомъ и оканчивались въ сумерки и даже при наступленіи темноты. По вечерамъ я едва успѣвалъ составлять служебныя выписки: о перемѣнахъ въ уставѣ, о снаряжкахъ при исполненіи нѣкоторыхъ уставныхъ правилъ; о внутреннемъ порядкѣ службы; о пригонкѣ и чисткѣ амуниціи; о постройкѣ и кройкѣ мундирной одежды.

Команды, отправлявшіяся изъ Образцоваго полка, обыкновенно представлялось на смотръ государю, а передъ тѣмъ великому князю. Смотръ великаго князя былъ страшнѣйшій. На этомъ смотрѣ великій князь жестоко распеку меня. Прошло болѣе 40 лѣтъ, но и теперь страшно вспомнить. Вотъ подробности: хотя я былъ и подпоручикомъ, но, какъ болѣе твердый и надежный по фронту, былъ назначенъ командиромъ 8 взвода, постъ весьма важный при движеніи баталіона лѣвымъ флангомъ, а тогда всѣ построенія слѣва были въ модѣ, и у меня во взводѣ стояло 9 офицеровъ, всѣ старше меня чиномъ, былъ даже капитанъ линейнаго баталіона Сверчковъ. На репетиціяхъ смотра было расчитано на какое окно въ манежѣ и даже на который край окна направлять движенія баталіона, чтобы всѣ возможныя построенія совершались безъ замѣшательства. На смотрѣ великаго князя, при движеніи баталіона рядами на лѣво, команда о построеніи отдѣленій застала въ тотъ моментъ, когда дирекціональный флангъ не былъ въ направленіи на указанную перекладину окна и я по немногу сталъ принимать въ сторону, чтобы вступить на указанную линію. Великій князь это замѣтилъ, остановилъ баталіонъ и громко сказалъ:— „Подпоручикъ Кренке пожалуйста сюда“. Я быстро подбѣжалъ, конечно, съ опущенною шпагою. Великій князь громко, на весь манежъ, сказалъ:— „Какъ вы ходите! Какъ вы ходите!“ отнял у меня взводъ, поставилъ вмѣсто меня слѣдующаго офицера, капитана Сверчкова, и громко же приказалъ Жеркову, чтобы ко мнѣ приставленъ былъ кадровый унтеръ-офицеръ учить меня маршировкѣ. Но когда Сверчковъ, при первомъ же построеніи, что то навралъ, то великій князь распеку и Сверчкова и тутъ только замѣтилъ, что Сверчковъ капитанъ. Такой знатокъ фронта и всѣхъ тогдашнихъ условій, какъ великій князь, тотчасъ сообразилъ, что вѣрно же я былъ признанъ лучшимъ, когда помимо старшихъ офицеровъ мнѣ дали взводъ, и по окончаніи смотра, послѣ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній, изволилъ сказать:— „Я замѣтилъ кое-что и относительно Кренке, но въ немъ видно большое стараніе“. Жерковъ при этомъ шепнулъ

мнѣ:— „Повѣрьте, что великій князь на васъ не сердится“. И на высочайшемъ смотрѣ я опять командовалъ взводомъ.

Наконецъ минулъ и мнѣ срокъ пребыванія въ Образцовомъ полку и я 21 ноября, 1839 г. былъ отправленъ обратно къ своему баталіону въ Иллушты.

За время пребыванія въ Образцовомъ полку, офицерамъ обыкновенно давали награду и я былъ представленъ отъ полка, но великій князь не удостоилъ меня награды и я не только не былъ огорченъ этимъ, но, напротивъ, былъ доволенъ, что за свою неосторожность, кромѣ нравственнаго наказанія, получилъ еще и дѣйствительное служебное наказаніе.

Однако великій князь окончательно простилъ мнѣ описанную мною несчастную исторію только въ 1842 году.

Въ маѣ этого года гренадерскій саперный баталіонъ былъ переведенъ изъ Иллушты на лѣто въ Петербургъ, а за тѣмъ на зиму на постоянныя квартиры въ Новгородъ. Все лѣто баталіонъ стоялъ лагеремъ при деревнѣ Тентелевой съ гвардейскимъ и учебнымъ саперными баталіонами и участвовалъ на маневрахъ, смотрахъ и парадахъ вмѣстѣ со всѣми войсками гвардіи; но такъ какъ гренадерскій саперный баталіонъ по фронту замѣтно отставалъ отъ всѣхъ войскъ гвардіи, то великій князь, по окончаніи Красносельскаго лагеря, весь гренадерскій саперный баталіонъ, до отправленія въ Новгородъ, прикомандировалъ на два мѣсяца къ Образцовому пѣхотному полку, подчинилъ Жеркову и расположилъ въ деревнѣ Кузьмино, вблизи Царскаго Села, причемъ гренадерскій саперный баталіонъ, въ общей очереди съ царскосельскимъ гарнизономъ, долженъ былъ отправлять и караульную службу въ Царскомъ Селѣ. Я былъ тогда поручикомъ и баталіоннымъ адъютантомъ и, вмѣстѣ со всѣми адъютантами частей царскосельскаго гарнизона, обязанъ былъ всякій день являться въ Павловскъ къ великому князю съ рапортомъ о состояніи баталіона. 8 адъютантовъ тогда ѣздили въ павловскій дворецъ: лейбъ-гусарскій, кирасирскій, образцовыхъ кавалерійскаго и пѣхотнаго полковъ, пѣшей и конной батарей, учебнаго сапернаго баталіона и я.

Въ продолженіе лагеря, на маневрахъ, на смотрахъ, великій князь не удостоивалъ меня даже взглядомъ. Когда я ѣздилъ въ Павловскъ съ рапортомъ, великій князь, ласковый съ другими адъютантами, ко мнѣ не обращался ни съ однимъ вопросомъ, и не смотря на меня, принималъ рапортъ.

Такъ продолжалось до 18 августа, до дня рожденія великой княжны Александры Александровны. Въ этотъ день караулъ въ Царскомъ Селѣ занималъ гренадерскій саперный баталіонъ; назначено было молебствіе и всѣмъ офицерамъ находившимся въ Царскомъ Селѣ приказано было собраться въ дворцовую церковь. Въ то время, по порученію баталіоннаго командира, на мнѣ лежала обязанность зорко слѣдить за своими караулами въ Царскомъ Селѣ и я, осмотрѣвъ караулъ и

часовыхъ, первымъ вошелъ въ церковь. По неопредѣлительности приказанія, всѣ офицеры царскосельскаго гарнизона нѣсколько опоздали и когда великій князь вошелъ въ церковь, то, за исключеніемъ должностныхъ придворныхъ лицъ, я одинъ стоялъ тамъ и его высочество впервые ласково взглянулъ на меня. Скоро церковь наполнилась офицерами, и я, рассчитывая, что личность одного незамѣтна, вышелъ изъ церкви до окончанія службы, чтобы успѣть еще разъ осмотрѣть караулъ и повѣрить тѣхъ часовыхъ въ коридорахъ, мимо которыхъ можетъ пройти великій князь. Когда я заставлялъ одного часового нѣсколько разъ продѣлывать „на караулъ“ великій князь неожиданно и незамѣтно вышелъ изъ боковой двери, увидѣлъ это, и сзади, слегка, два раза ударилъ меня по плечу, говоря:—„Дѣльно, дѣльно“. Тутъ подбѣжали Жерковъ, Малофѣевъ; караулъ въ порядкѣ отдалъ честь; великій князь былъ очень доволенъ имъ, садясь въ экипажъ, обратился къ Жеркову и Малофѣеву съ слѣдующими словами:

— Странная у меня привязанность къ моимъ воспитанникамъ; вотъ и на него (указывая на меня) я постоянно смотрю, какъ на своего кровного.

На другой день, по обыкновенію, я былъ въ Павловскѣ съ рапортомъ; великій князь шутя сталъ повѣрять, знаю ли я состояніе баталіона, и когда я наизусть сказалъ всѣ цифры, какъ написано въ рапортѣ, то его высочество, обратясь ко всѣмъ, сказалъ:

— Вѣдь я его давно знаю, память его вѣроятно далеко загоняетъ мою, а пишетъ онъ такъ скоро, что въ 4 дня напишетъ столько, сколько другому и въ 40 дней не написать.

Послѣ этого великій князь уже всякій день чѣмъ нибудь выражалъ мнѣ свое вниманіе, свой привѣтъ.

В. Кренке.

